

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ЭО, 2012, № 1

© О.А. Базалеев

ПРОБЛЕМЫ ЛИКВИДНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ПРОГРАММАХ РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА САХАЛИНА

Ключевые слова: коренные народы, социальный капитал, реципрокность, социальные сети

Автор на примере “Плана содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области” рассматривает вопрос, что социальный капитал, содержащийся в социальных сетях коренных малочисленных народов Севера, является важным фактором при реализации программ социально-экономического развития. На практическом материале рассматриваются ситуации, когда социальный капитал (например, в виде систем внесемейной поддержки) и реципрокность позволяют снизить издержки, связанные с реализацией такого рода программ. Анализируются примеры, когда ресурсы социального капитала в современных условиях оказываются невостребованными, а также ситуации, когда социальный капитал (например, приводя к возникновению завышенных запросов по отношению к членам социальной группы) может оказывать негативное влияние на эффективность программ развития.

В последние десятилетия феномен социального капитала активно изучается в социальном и гуманитарном знании. Ф. Фукуяма указывает, что социальный капитал, рассматриваемый как определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия социальных сетей, общности норм и доверия между его членами, является важным фактором при многих социальных взаимодействиях (Фукуяма 2006).

Р. Патнэм указывает на все большее значение, придающееся исследованию социального капитала как совокупности социальных сетей, норм и доверия, создающих условия для координации и кооперации ради достижения взаимной пользы (Putnam 1995: 67).

А. Портес констатирует, что в отличие от материального капитала, который находится на банковских счетах, от человеческого капитала, который в головах людей, социальный капитал находится в структуре взаимоотношений между людьми (Portes 1998: 7).

Исследователями отмечается, что само по себе понятие социального капитала не является чем-то принципиально новым, в определенном смысле оно лишь называет другими словами идеи, которые присутствовали в социологической науке с самого начала ее становления. Так, А. Селигмен напоминает, что, начиная с XIX века, со времени теоретических прозрений Эмиля Дюркгейма о существовании “договорного” элемента во всех общественных установлениях, важность доверия для существования

общества была признана многими исследователями общественной жизни (*Селигмен 2002: 7–8*).

В отечественной социологии исследовательская проблема социального капитала и социальных сетей получает рассмотрение в работах В.В. Радаева, С.Ю. Барсуковой, Н.Е. Тихоновой, Н.В. Давыдовой и ряда других (См. подробнее: *Радаев 2002; Барсукова 2004; Давыдова, Тихонова 2006; Давыдова 2007*).

Масштабы, характер, сферы использования и формы конвертации разных видов капитала устанавливаются в ходе сложного процесса соотнесения и оценивания, производимого различными хозяйственными агентами (*Радаев 2002: 31*). Не случайно особенности конвертирования социального капитала в экономические ресурсы, степень его ликвидности неизменно привлекают внимание исследователей¹.

Удобство применения концепции социального капитала заключается в ее гибкости и возможности применения для описания и интерпретации социальных процессов в разных контекстах. Заметной тенденцией последних лет является все более широкое использование концепции социального капитала применительно к изучению социальных процессов у коренных народов. Феномен социального капитала принимается во внимание при планировании, реализации и оценке эффективности программ развития, направленных на коренные народы в США, Канаде, Австралии; данный подход также активно используется международными финансовыми институтами при реализации проектов в различных странах мира.

Причины популярности феномена социального капитала в зарубежной прикладной социологии и социальной антропологии, в принципе, очевидны. На многих примерах ученые столкнулись с тем, что различные формы социального капитала и различный его потенциал могут оказывать как явно позитивное, так и резко негативное воздействие на эффективность реализуемых мероприятий. Например, если традиционные практики и культурные ценности вступают в противоречие с предлагаемыми программами развития, это может негативно отразиться на устойчивости реализуемых инициатив (*Hunter 2004: 16*).

Кроме того, концепция социального капитала важна тем, что она “уравнивает в правах” различные виды капитала. Тем самым выводится “из тени” такой значимый (особенно для сообществ коренных народов) ресурс, как взаимосвязи между людьми, общественными структурами, – это позволяет избежать одностороннего восприятия аборигенных сообществ через призму дефицитности ресурсов.

В настоящее время есть предпосылки к тому, что более широкое использование концепции социального капитала применительно к изучению социальной динамики в сообществах коренных малочисленных народов Севера (КМНС) будет становиться более востребованным в России. Например, в соответствии с “Концепцией устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации”, предполагается, что одним из способов укрепления социально-экономического потенциала данных народностей, сохранения их исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей должна быть мобилизация внутренних ресурсов самих народов (Концепция 2009). Однако мобилизация внутренних ресурсов, развитие общин могут быть проведены более эффективно, если при этом будут максимально увеличены позитивные последствия социального капитала – такие как взаимная поддержка, сотрудничество и доверие. В то же время такие издержки социального капитала, как этноцентризм или клановость, могут стать препятствием на пути устойчивого развития общин, если не будут своевременно осуществлены меры по минимизации подобного негативного воздействия.

Некоторые вопросы, связанные с оценкой роли социального капитала в социально-экономических программах, могут стать более понятными, если воспользоваться опытом, накопленным в ходе реализации “Плана содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалина” (далее – “План содействия”, или План).

“План содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области” – это трехсторонняя программа, которая совместно реализуется компанией “Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд.” (оператором нефтегазового проекта “Сахалин-2”), правительством Сахалинской области и Региональным советом уполномоченных представителей коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области. Первый “План содействия” был реализован в 2006–2010 гг., реализация второго Плана начата в 2011 г. и рассчитана до 2015 г.

К основным задачам “План содействия”, в частности, относится вклад в улучшение качества жизни у коренных малочисленных народов Севера Сахалина через программы развития, учитывающие культурные особенности, а также предотвращение или снижение потенциального негативного воздействия на коренные народы, связанного с реализацией проекта “Сахалин-2” (План содействия 2006; План содействия 2010).

“План содействия” был разработан на основании положений и принципов Операционной Директивы Всемирного Банка № 4.20 “Коренные народы”, являвшейся своего рода моделью того, какие именно права и интересы коренных народов должны учитываться при разработке проектов экономического развития территорий (*Ямсков 2002: 261–262*). К опыту разработки и реализации Плана обращается в своих публикациях ряд российских и зарубежных этнологов и социальных антропологов (*Тишкова и др. 2008; Поон 2008; Bergman et al. 2007*), а также международных организаций (*International Finance Corporation 2007: 53–55*).

Есть несколько причин, по которым опыт “Плана содействия”, как представляется, может быть полезен для изучения функционирования социального капитала и его влияния на реализацию планов развития коренных малочисленных народов Севера.

Во-первых, коренные народы Севера Сахалина являются относительно малочисленными – около 4 тыс. человек (0,7% населения острова): нивхи, уйльта (ульта, ороки), эвенки, нанайцы и др. В связи с компактностью проживания и относительной малочисленностью влияние “Плана содействия” на жизнь и быт КМНС является сравнительно высоким. Согласно данным опроса, проведенного кафедрой социологии Сахалинского государственного университета в четырех населенных пунктах, где реализуется “План содействия” (опрошено 116 человек из числа КМНС Сахалина, что составляет 5% от генеральной совокупности в 2225 чел.), в декабре 2008 г. только 6,9% коренного населения ничего не знали о данной программе (*Гульдин и др. 2009: 55*).

Во-вторых, в соответствии с принципами управления по “Плану содействия”, ключевая роль в принятии решений по всем вопросам отводится представителям коренных народов. Например, доля представителей КМНС Сахалина составляет 82% в Правлении (высшем исполнительном органе программы); органы управления обоими направлениями программы (фонд социального развития и программа поддержки традиционной экономической деятельности) на 100% состоят из представителей аборигенных сообществ (Управляющие органы 2011).

В определенном смысле свойственные сахалинским коренным народам форматы обсуждения, принятия решений, стратегии переговоров, формы разрешения конфликтных ситуаций, представления о том, когда проект является социально значимым или эффективным, были перенесены на собрания и заседания.

В-третьих, “План содействия” предполагает высокую степень информационной открытости во всех процессах. Полные тексты первого и второго Плана опубликованы, распространялись в сообществах и организациях коренных народов. Все относящиеся к инициативе документы находятся в открытом доступе на специально созданном интернет-сайте www.simdp.ru.

Реализация “План содействия” предусматривает, что периодически (в 2006–2010 гг. – дважды в год) проводится его внешний независимый мониторинг. Экземпляры отчетов имеются в библиотеках в местах компактного проживания коренных наро-

дов Сахалина, а также находятся на сайте “План содействия” на русском и английском языках (Мониторинг 2011). Регулярно проводятся выездные встречи относительно реализации “Плана содействия”. В результате на протяжении более пяти лет многие процессы и проблемы, свойственные внутренней социальной динамике аборигенных сообществ Сахалина, открыты для анализа и обсуждения.

При подготовке данной публикации в качестве основных методов исследования использовалось включенное наблюдение (в 2006–2010 гг. автор в силу должностных обязанностей присутствовал на всех заседаниях Наблюдательного совета, исполнительного комитета, а также на многих заседаниях программных комитетов “Плана содействия”) и анализ содержания документов (прежде всего отчетов внешнего независимого мониторинга).

Социальный капитал КМНС Севера Сахалина в исторической перспективе

Наличие сильных социальных сетей у коренных малочисленных народов Севера Сахалина, направленных на взаимопомощь и социальную поддержку, является несомненным фактом и констатируется на протяжении не одного столетия. Истоки данного явления, вне всякого сомнения, следует искать в сохранении на протяжении длительного времени многих норм родовой организации, отмечаемом всеми исследователями данных аборигенных сообществ (например, Л.Я. Штернбергом, А.В. Смоляк, Ч.М. Таксами, Т.П. Роон, Л.И. Миссоновой и др.).

А.В. Смоляк отмечает, что начиная с XIX в. значение рода у народов Нижнего Амура и Сахалина проявлялось, прежде всего, в бытовой и социальной сферах; одной из самых важных функций, выполнявшейся родовой структурой общества, было право получать опеку и помощь со стороны сородичей в случае нужды – равно как и обязанность оказывать такую помощь нуждающимся членам рода (Смоляк 1975: 78).

В общественном строе нивхов (самой большой по численности этнической группы сахалинских коренных малочисленных народов Севера) в начале XX в. еще отчетливо прослеживались коллективная собственность на основные средства производства (промысловые угодья), пережитки коллективного труда и коллективного распределения продуктов производства, сохранялась общность домашней жизни больших патриархальных семей (История и культура нивхов 2008: 39). По свидетельству Ч.М. Таксами, первые нивхские рыболовецкие колхозы демонстрировали характерные черты родовой общины даже в нетерпимые к любым отклонениям от “нормы” 1930-е гг.: например, в хозяйствах отсутствовал учет труда, а весь полученный доход делился поровну вне зависимости от выполненной работы. Хорошо развитые форматы социальной поддержки и взаимопомощи, направленные не только на родственников, фиксировались и в середине 1960-х гг. (Таксами 1967: 65–66, 210–211).

Экономические и социальные трудности, связанные с кризисной ситуацией 1990-х гг., на Сахалине выразились в развале рыболовецких и оленеводческих коллективных хозяйств, где работали представители коренных народностей, невыплате заработной платы и пенсий, гибели оленей из-за роста браконьерства. Это естественным образом укрепило значение связей между представителями коренных народов и зависящих от них норм доверия и поведения. Социальные сети для многих вновь стали главным социальным амортизатором, а их использование – единственно доступной стратегией выживания.

Во многом именно с этим был связан всплеск в создании родовых общин и национальных хозяйств в 1990-х гг. – в значительной степени это лишь формализовало стремление коренных народов к объединению в сложной ситуации.

По информации отдела Коренных народов Севера аппарата Губернатора и Правительства Сахалинской области, в настоящее время около 70% КМНС Сахалина прожи-

вают в сельской местности. Положение коренных народов осложнено: патерналистская политика в советский исторический период привела к нарушению традиционного уклада жизни; в условиях интенсивного промышленного освоения природных ресурсов возросли экологические риски; объемы производства традиционных видов хозяйственной деятельности при отсутствии материально-технического оснащения, современных предприятий и технологий по комплексной переработке сырья и биологических ресурсов неконкурентоспособны в новых экономических реалиях (План содействия 2010: 19–20).

В настоящее время сообщества КМНС Сахалина демонстрируют высокую степень солидарности в вопросах, которые так или иначе воспринимаются как затрагивающие их общие права и интересы. К таким вопросам, например, относятся проблемы во взаимоотношениях с нефтегазодобывающими компаниями.

Сплоченность сообщества коренных малочисленных народов Севера Сахалина, конечно, не означает, что внутри него нет серьезных противоречий, однако по отношению к окружающему миру в принципиальных вопросах оно выступает единым фронтом. Показательно, что различного рода акции протеста неизменно находят поддержку и объединяют не только то аборигенное население, которое может столкнуться с потенциальным негативным воздействием от промышленного освоения (Ногликский, Охинский районы острова Сахалин), но и проживающих на других территориях (например, Александровск-Сахалинский и Поронайский районы).

На фоне того, что для значительной части населения России отсутствие социального капитала является настолько серьезной проблемой, что впору говорить о социальной эксклюзии (Давыдова, Тихонова 2006: 39), коренные малочисленные народы Севера Сахалина обладают значительным потенциалом социального капитала.

Типы социального капитала

Р. Патнэм выделяет два типа социального капитала: *обязывающий* (bonding от англ. bond – оковы, порука) – социальный капитал, который мобилизует внутригрупповую солидарность и формирует системы взаимной поддержки внутри сообщества, и *соединяющий* (англ. bridging) – социальный капитал, когда социальные сети направлены вовне и включают людей из разных социальных групп (Putnam 2000: 22). Следует отметить, что социальное взаимодействие, происходящее из-за наличия обязывающего социального капитала, имеет много параллелей с понятием реципрокности.

Согласно различным исследованиям, у коренных народов (и аборигенное население Сахалина не является исключением) преобладает *обязывающий* (англ. bonding) социальный капитал: тесные социальные связи предоставляют критически необходимую социальную и психологическую поддержку внутри этнического сообщества. В то же время *соединяющий* тип социального капитала менее распространен.

До середины 1990-х гг. исследователи уделяли основное внимание позитивным сторонам социального капитала – во многом из-за общей тенденции видеть только хорошее в общительности и активном социальном взаимодействии. Однако одни и те же социальные механизмы могут приводить как к результатам, которые являются несомненным общественным благом, так вести к негативным последствиям.

А. Портес выделяет следующие позитивные эффекты социального капитала: он служит средством *социального контроля*, способствуя соблюдению внутригрупповых норм и правил; благодаря социальному капиталу функционирует система *внутрисемейной поддержки*, а также происходит *распределение благ по социальным сетям* (англ. network-mediated benefits) вне рамок семьи. Исследователь указывает на такие негативные эффекты социального капитала, как *ограниченный доступ к ресурсам, ограничение личной свободы, нормы уравнительного давления* (англ. downward leveling norms) и *завышенные запросы по отношению к членам группы* (Portes 1998: 8).

Согласно наблюдениям, такие эффекты социального капитала из числа выделяемых А. Портесом, как *нормы уравнительного давления* (англ. downward leveling norms) и *социальный контроль*, оказывают влияние на реализацию программ социально-экономического развития коренных народов (Базалеев 2011: 69–70).

Попробуем проанализировать, какое влияние на реализацию аналогичных программ могут оказывать *внутригрупповая поддержка* и *завышенные запросы по отношению к членам группы*.

Влияние социального капитала на программы социально-экономического развития

Как показывает практика реализации “Плана содействия”, социальный капитал, имеющийся в социальных сетях коренных народов Севера, оказывает существенное влияние на эффективность реализации социально-экономических программ.

Как замечает Р. Патнэм, совместная работа осуществляется легче в местных сообществах, отмеченных существенным запасом социального капитала (Putnam 1993). По нашим наблюдениям, такие проявления социального капитала, как **внутригрупповая поддержка**, объективно повышала эффективность “Плана содействия” на многих этапах реализации этой программы: “сами по себе” решаются некоторые проблемы, которые иначе потребовали дополнительных усилий, повлекли бы временные либо материальные издержки либо не позволили бы добиться желаемого результата.

Например, в 2006–2007 гг. организации коренных народов с многолетним опытом общественной работы с готовностью помогли менее опытным общинам в реализации проектов: как в заполнении заявок, так и подготовке финансовой и иной отчетности. Так, одна из общественных организаций коренных народов в 2006 г. на безвозмездной основе взяла на себя реализацию всей образовательной программы в рамках Плана. Объем административной работы по данному проекту, получателями которого стали 118 человек, был весьма значительным.

Как правило, люди и организации вкладывают больше усилий, чем от них обычно можно ожидать. Это может быть передача знаний от более опытного предпринимателя начинающему коллеге (что, впрочем, не стало распространенной практикой), передача сувениров в областной центр на продажу, помощь в подготовке или передаче документов для регистрации общины или родового хозяйства. Многие в принципе несложные и финансово незатратные действия могут становиться проблемой для коренного населения, проживающего в сотнях километров от соответствующих инстанций.

Приезд на лечение в областной центр облегчается тем, что представители аборигенного населения, участвующие в реализации программ “Плана содействия”, могут встретить больного на вокзале, проводить до больницы – или даже поселить на день–два у себя дома. Снегоход, лодочный мотор либо оборудование для переработки рыбы, полученное родовой общиной, приносят пользу не только этой организации (хотя община и сама по себе представляет интересы более или менее широкого круга аборигенного населения), но и представителям коренного населения, формально в нее не входящим, – это подтверждалось выездными проверками в рамках “Плана содействия”.

В 2005–2006 гг. при проведении консультаций о начале реализации Плана, информация о проведении встреч в большинстве случаев быстро расходилась по всему населенному пункту, что называется, “из уст в уста”, что было эффективным дополнением к развешиванию объявлений и публикациям в СМИ; молодые члены общин сопровождали пожилых людей к месту проведения встреч: очевидно, что без такой поддержки многие из них просто бы не пришли, даже при предоставлении транспорта.

Однако не приходится ли “платить” за удобство использования сетей внутригрупповой поддержки? П. Бурдые отмечает, что в отличие от циничной (но и экономической)

прозрачности экономического обмена..., сущностная неоднозначность социального обмена... предполагает гораздо более тонкую экономику времени (*Бурдые* 2002: 70). В самом деле, по нашим наблюдениям, “горизонтальная” структура сетей (в противовес “вертикальным” системам, построенным по иерархическому принципу) делает предварительное широкое обсуждение и достижение консенсуса необходимым условием при принятии решений. В противном случае решениям может быть отказано в легитимности:

“Целью прямых консультаций в масштабе всего острова было гарантировать, что контакты компании с Рабочей группой или членами комитета из числа коренного населения не ставят элиты в привилегированное положение при помощи инсайдерской информации об устройстве Плана содействия и доступе к (предоставляемым Планом. – *О.Б.*) выгодам” (*Bergman et al.* 2007: 14).

Также было необходимо следовать принятым в общинах коренных малочисленных народов форматам проведения собраний. Как отмечали представители Международной финансовой корпорации (подразделения Всемирного Банка по работе с частным сектором), присутствовавшие на консультациях:

“Выделялось время, чтобы участники могли поделиться своими проблемами и обеспокоенностью по разным вопросам. Уделялось внимание тому, чтобы ко всем присутствующим относились с уважением, и прилагались усилия по поиску консенсуса, – это привело к тому, что встречи были очень длинными, но люди чувствовали, что их присутствие имеет значение...” (*International Finance Corporation* 2007: 54–55).

Иными словами, требовалось инвестировать значительные временные ресурсы в проведение встреч, часто проводить повторные собрания, “отвлекаться” на обсуждение вопросов, не связанных с повесткой дня и прилагать дополнительные усилия, чтобы обеспечить присутствие как можно большего числа участников.

В ряде случаев в современных условиях социальный капитал как источник внутригрупповой поддержки оказывается бесполезен. Так, в 2008 г. при обсуждении программы приобретения лекарственных средств для отдаленных фельдшерско-акушерских пунктов в районах компактного проживания коренных народов общины предложили взять на себя приобретение медицинских препаратов в соответствии с согласованной номенклатурой, обеспечение их доставки, хранение, ведение отчетности и даже распределение. Однако лекарства должны распределяться только через сеть медицинских учреждений и аптек: традиционные системы доверия в усложнившемся мире могут быть неприменимы.

Кроме того, по нашим наблюдениям, капиталистические отношения и иноэтническое окружение не могут не оказывать воздействия на форматы взаимопомощи. Неудивительно, что в большей степени подвергаются эрозии и трансформации те из традиционных сетевых обменов, которые включают в себя материальную, финансовую составляющую².

Возникновение *завышенных запросов* по отношению к некоторым членам социальной группы (наиболее успешным в чем-либо или обладающими какими-либо значимыми ресурсами) является достаточно типичным в социальных группах, обладающих сильной внутригрупповой солидарностью.

С.Ю. Барсукова указывает, что реципрокность, в отличие от товарного обмена, не преследует цели максимизации прибыли. Смысл этого типа социальных отношений состоит в защите близких людей от внешней среды, противостоянии неблагоприятным обстоятельствам общими силами, выравнивании жизненных шансов участников сети (*Барсукова* 2004). Обратной стороной выравнивания жизненных шансов участников сети является то, что, как замечает А. Портес, менее старательные члены сообщества настаивают на том, чтобы более успешные удовлетворяли их различного рода запросы, что подкрепляется внутригрупповыми нормами. В ходе этого процесса возможности для накопления капитала и предпринимательского успеха расплываются (*Portes* 1998: 16).

По нашим наблюдениям, со схожими издержками от сетевой включенности столкнулись наиболее опытные общественные объединения КМНС Сахалина в 2008 г. Если в первые годы реализации “Плана содействия” они с готовностью шли на совместную реализацию проектов с организациями-“новичками” – то с наплывом просителей возросло количество отказов в предоставлении такого рода технической помощи.

Красноречивым примером также может считаться ситуация с выполнением организационной работы по “Плану содействия” (оформление протоколов, ведение разъяснительной работы по оформлению заявок и т.д.).

Одним из регулярно поднимаемых вопросов являются пожелания о том, чтобы сотрудники компании “Сахалин Энерджи” (подразделение по взаимодействию с коренными народами, состоящее из трех человек) брали на себя обязанности по оформлению протоколов заседаний комитетов, подготовки повестки дня, а также решали иные организационные вопросы. При этом сами по себе обязанности по организации работы комитетов “Плана содействия” вряд ли обременительны: в год проводятся в среднем 2–3 заседания, а в каждом комитете 6–8 человек³.

Некоторые полагали, что данной деятельностью должны и могут заниматься члены комитетов “Плана содействия”, но этого не происходило:

“Все комитеты ... выполняли свои основные функции, хотя возникали вопросы о том, выполняют ли члены комитета свои обязанности надлежащим образом... В промежутках между совещаниями (а это могут быть периоды до нескольких месяцев) они редко контактируют с Планом содействия и не общаются с кем-либо на темы его реализации. С точки зрения тех, кто более активно участвует в реализации Плана содействия, это является упущенными возможностями. – 4-й отчет по независимому мониторингу “Плана содействия” (*Гульдин* 2008: 22).

В принципе, в мировой практике имеют место ситуации, когда сторона, не представляющая коренные народы, вынуждена брать на себя решение организационных вопросов или находиться в роли посредника между группами с различающимися интересами (*Uquillas et al.* 2003: 28). Однако одной из целей “Плана содействия” является то, чтобы по истечении определенного времени представители коренных народов полностью взяли бы на себя управление и реализацию данной программы развития (План содействия 2006: 88).

В бытовых ситуациях чрезмерные требования к некоторым членам группы смягчаются как нешироким кругом общения, так и личным знакомством и высокой степенью осведомленности людей о жизни друг друга. Как отмечает С.Ю. Барсукова, если рыночный обмен предполагает ясную договоренность сторон, то отношения реципрокности основываются на догадливости в рамках культурного контекста (*Барсукова* 2004). “Догадливость” позволяет одной стороне “фильтровать” запросы; а проситель может сам не решиться обращаться за помощью, понимая, что получит отказ:

“Если за деньгами (пришли. – *О.Б.*) – мы прекрасно знаем, для чего берутся деньги. Если болеет – это одно. Если нет, на алкоголь (потратят. – *О.Б.*), то ругаюсь” (ПМА 2008).

Но механизмы внутригруппового контроля часто не срабатывают в случае социально-экономической программы. Количество обращающихся (например, с просьбой разъяснить неясные положения, помочь подготовить заявку) велико, при этом личное знакомство в большинстве случаев отсутствует. Это уже и не отношения реципрокности, когда обе стороны интуитивно понимают “рамки”, негласные правила коммуникации – однако и понимание новых “правил игры” еще не сформировано. На практике некоторые члены комитетов, активно занимающиеся реализацией “Плана содействия”, порой жаловались на апатию и разочарованность от отсутствия признательности за прилагаемые усилия.

Если смотреть на ситуацию шире, то возникновение чрезмерных запросов как внутригрупповая норма может вызывать более серьезные последствия.

Во-первых, когда социальная группа постоянно рассчитывает на определенные ресурсы извне (например, материальную помощь) и получает их, высокие ожидания могут проецироваться на тех, кто является поставщиком данных благ. Внешние структуры (государственные, коммерческие и т.д.), не являясь частью сообщества, тем не менее с течением времени могут восприниматься как значимый для группы элемент социального взаимодействия. Тем самым реципрокность может объективно способствовать дальнейшему закреплению патерналистских форм зависимости⁴.

Во-вторых, как указано выше, сильная групповая солидарность и являющаяся ее следствием реципрокность могут не способствовать индивидуальной предпринимательской активности. В этом смысле вполне закономерен вопрос: не будет ли наличие социального капитала и распространение реципрокных отношений, являясь эффективным и полезным социальным амортизатором в одних ситуациях, в то же время препятствовать распространению экономически устойчивых форм предпринимательства? Тем более что организации коренных народов Сахалина существуют не в экономическом вакууме. Например, в рыболовстве этнические предприниматели конкурируют за “место под солнцем” с десятками других коммерческих организаций, которые к тому же в большинстве случаев лучше оснащены технически.

Это далеко не маловажный и отнюдь не теоретический вопрос для программ социально-экономического развития. Подавляющее большинство программ социально-экономического развития коренных народов (и сахалинский “План содействия” не является исключением) предполагают, в конечном счете, минимизацию грантов и безвозмездной помощи и переход к устойчивому развитию: использование рыночных инструментов (таких как кредитование); ведение безубыточной предпринимательской деятельности и т.д.

Проблема воздействия на социальный капитал

Как мы видим, как минимум в ряде случаев имеющиеся традиции, нормы социального взаимодействия и приобретенные навыки могут отличаться от типов социального капитала, необходимого для повышения эффективности социально-экономических программ.

В одних случаях социальный капитал, имеющийся в традиционных социальных сетях, мог иметь рациональные причины в прошлом, но продолжает воспроизводиться в нормах социального поведения из поколения в поколение, несмотря на то, что их смысл утрачен. В других случаях традиционные нормы социального взаимодействия, применимые и полезные в быту и повседневности, могут отличаться от того, что необходимо для современной хозяйственной деятельности. В таком виде эти социальные механизмы могут не соответствовать потребностям и нуждам самого аборигенного населения.

Очевидно, что вопрос о необходимости воздействия на социальный капитал (например, с целью изменения форм его проявления) является, прежде всего, прерогативой самого этнического сообщества: в современных условиях консенсус не может рассматриваться как усвоение коренными народами административной или корпоративной рациональности. По нашему мнению, возможность открытого обсуждения, наличие “площадок” и форматов для этого обсуждения внутри аборигенного сообщества и достаточное количество времени являются необходимыми условиями для начала данного процесса.

Заключение

Итак, в ходе разработки и реализации “Плана содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалина” был накоплен определенный опыт оказания помощи коренным малочисленным народам со стороны бизнес-структур в решении вопросов, затрагивающих права и интересы аборигенов при освоении природных ресурсов в местах традиционного проживания. Предложена модель сотрудничества, позволяющая обеспечить взаимодействие на основе российских и международных стандартов.

Исследование подтвердило, что особенности сообществ коренных народов, в частности, их социальный капитал, оказывают воздействие на многие аспекты социально-экономических программ. С одной стороны, содействуя объединению индивидуальных усилий в коллективные действия, социальный капитал позволяет в ряде случаев эффективно снижать материальные, временные и прочие затраты на реализацию социально-экономических программ. С другой стороны, некоторые особенности функционирования социального капитала могут оказывать негативное влияние на эффективность реализуемых программ. В ряде случаев проблемой мобилизации социального капитала является то, что в современных условиях для реализации социально-экономических программ требуются иные типы социального взаимодействия, чем те, в которых в настоящее время проявляется социальный капитал. В то же время воздействие на социальный капитал в аборигенных сообществах является прерогативой, прежде всего, коренных народов.

Примечания

¹ Это тем более важно, что в зарубежной практике исследования социального капитала на протяжении многих лет не просто активно применяются в подготовке, разработке и реализации социально-экономических программ, но и являются ключевыми звеньями при их реализации. Например, концепция социального капитала активно использовалась как инструмент легитимации масштабных нелиберальных политик по демонтажу систем социального обеспечения и снижения их финансирования (*Häkli et al.* 2009: 4).

² Трансформацию традиционных форматов взаимопомощи можно показать на следующем примере. Широко распространена практика, когда представители коренных малочисленных народов Севера Сахалина (как правило, семьи, состоящие из женщин и детей), не имеющие возможности самостоятельно выловить рыбу в рамках т.н. “квоты на личное потребление” в размере 100 кг рыбы лососевых пород, передают свои права предпринимателям из числа коренного населения, профессионально занимающимся рыболовным промыслом, с тем чтобы те выловили данную рыбу для них. По словам информантов, одни предприниматели, выловив рыбу, бесплатно доставляют ее до дома тех, чья была квота. Другие вычитают из квоты несколько килограммов в свою пользу: в качестве компенсации за стоимость топлива при доставке рыбы с побережья до поселка. Третьи этнические предприниматели в качестве “издержек” изымают, как указывают информанты, несправедливо большой объем рыбы.

³ Одна из представительниц коренных малочисленных народов Севера Сахалина при обсуждении вопроса, кто должен заниматься подготовкой протокола заседания, в сердцах бросила: “Это все интернатское воспитание – даже сами для себя поработать не можем!”. В самом деле, в настоящее время широко признается, что воспитание детей КМНС в интернатах в ряде случаев может вести к нарушению адаптивно-профессиональной ответственности, значительной утрате навыков самостоятельной деятельности и инициативности; однако вряд ли это является единственной причиной проблемы.

⁴ С другой стороны, очевидно, что не только социальный капитал оказывает влияние на функционирование программ социально-экономического развития. Верно и обратное: программы и планы, как и любое внешнее воздействие, могут воздействовать на внутреннюю динамику в социальных группах, в том числе на функционирование (накопление, конвертацию и т.д.) различных видов капитала. Так, эксперт по независимому мониторингу “Плана содействия” в своем пятом отчете (июнь 2009 г.) отметил, что члены комитетов “Плана содействия”, будучи

избранными самими представителями коренных народов, тем не менее регулярно подвергаются сильной критике со стороны своих же общин. По мнению эксперта, словесная критика выступает средством социального “уравнивания” тех, кто временно находится “выше”, с остальными (Гульдин и др. 2009: 10). По нашему мнению, представители коренных народов Севера Сахалина, обладающие членством в органах управления Планом содействия, воспринимаются как имеющие возможность конвертировать свой административный капитал в приращение собственного социального капитала, в укрепление своего статуса и авторитета в местном сообществе. Словесная критика в их адрес тем самым является попыткой со стороны сообществ восстановить *status quo*: не допустить, чтобы члены органов управления получали “незаслуженно заработанную” прибавку к социальному капиталу – не традиционно принятыми в сообществе способами, но членством в органах управления плана социально-экономического развития.

Литература

- Базалеев 2011 – Базалеев О.А. Из опыта реализации программ развития коренных народов Севера Сахалина // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 63–71.
- Барсукова 2004 – Барсукова С.Ю. Нерыночные обмены между домохозяйствами // Интернет конференция «60-летие выхода в свет “Великой трансформации” Карла Поланьи: уроки для России». (<http://ecsocman.edu.ru/db/msg/182568/print.html>). Дата обращения: 20.03.2010 г.
- Бурдые 2002 – Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
- Гульдин 2008 – Гульдин Г.Э. Четвертый отчет о проведении независимого мониторинга “Плана содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалина”. Южно-Сахалинск, 2008 // Интернет-сайт Плана содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалина: (www.simdp.ru). Раздел “Мониторинг”. Дата обращения 12.04.2011 г.
- Гульдин и др. 2009 – Гульдин Г.Э., Начёткина А.Я., Коньков А.Т. Отчет по промежуточной оценке “Плана содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалина”. Южно-Сахалинск, 2009 // Интернет-сайт компании “Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд.”: (www.sakhalinenergy.ru). Раздел “Общество”, подраздел “Коренные народы”. Точный интернет-адрес документа: http://www.sakhalinenergy.com/docs/ru/281/2009_06_05_RUS%20FINAL%20MIDTERM%20REVIEW.pdf. Дата обращения 05.05.2011
- Давыдова, Тихонова 2006 – Давыдова Н.М., Тихонова Н.Е. Методика расчета ресурсной обеспеченности при анализе социальной стратификации // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 29–41.
- История и культура нивхов 2008 – История и культура нивхов: историко-этнографические очерки / Отв. ред. В.А.Тураев; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН. СПб.: Наука, 2008.
- Концепция 2009 – Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 4 февраля 2009 г. № 132-р) // Собрание законодательства Российской Федерации, 16 февраля 2009 г., № 7, ст. 876, С. 2248–2258 г.
- Мониторинг 2011 – Интернет-сайт Плана содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области // <http://www.simdp.ru/?id=18&pid=13>. Дата обращения 7.05.2011 г.
- План содействия 2006 – План содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалина: Первый пятилетний план (2006–2010 гг.). Южно-Сахалинск, 2006.
- План содействия 2010 – План содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалина: Второй пятилетний план (2011–2015 гг.). Южно-Сахалинск, 2010.
- Радаев 2002 – Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20–32. www.ecsoc.msses.ru
- ПМА 2008 – Полевые материалы автора, респондент из числа КМНС, с. Вал, 2008 г.
- Роон 2008 – Роон Т.П. Размышления о Сахалине и его жителях в свете транснациональных проектов добычи углеводородов на шельфе Охотского моря (к вопросу об этнологической экспертизе) // Этнограф. обозрение. 2008. № 3. С. 36–46.
- Селигмен 2002 – Селигмен А. Проблема доверия / Пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Смоляк 1975 – Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина, середина XIX – начало XX вв. / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1975.

- Таксами 1967 – Таксами Ч.М.* Нивхи: (Современное хозяйство, культура и быт) / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; отв.ред. И.С. Вдовин. Л.: Наука, 1967.
- Тишков и др. 2008 – Тишков В.А., Мурашко О.А., Новикова Н.И.* Обзор документации проекта “Сахалин-2”, касающийся коренных малочисленных народов Севера острова Сахалина // Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза / Под ред. Н.И. Новиковой. М.: Издательский дом “Стратегия”, 2008.
- Управляющие органы 2011 – План содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области // www.simdp.ru/?id=17&pid=2 (Дата обращения 7.05.2011 г.)
- Фукуяма 2006 – Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. М.: АСТ, 2006.
- Ямсков 2002 – Ямсков А.Н.* Политика Всемирного Банка по отношению к коренным народам // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии / Отв. ред. Н.И. Новикова, В.А.Тишков. М.: Издательский дом “Стратегия”, 2002. С. 261–283.
- Bergman et al. 2007 – Bergman M.S., Guldin G.E., Dennis A.K.* Indigenous Peoples and Oil Companies: Respect the Differences. Paper prepared for presentation at the Society of Petroleum Engineers (SPE) Asia Pacific Health, Safety, Security, and Environment Conference and Exhibition. Bangkok, Thailand. 10–12 September 2007.
- International Finance Corporation 2007 – International Finance Corporation. Stakeholder Engagement: A Good Practice Handbook for Companies Doing Business in Emerging Markets. Washington, D.C., 2007.
- Häkli et al. 2009 – Social Capital and Urban Networks of Trust / Edited by J. Häkli and C. Minca.* Ashgate, 2009.
- Hunter 2004 – Hunter B.H.* Taming the Social Capital Hydra? Indigenous Poverty, Social Capital Theory and Measurement. Canberra: Centre for Aboriginal Economic Policy Research, 2004.
- Portes 1998 – Portes A.* Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 1–24.
- Putnam 1995 – Putnam R.D.* Bowling Alone: America’s Declining Social Capital // Journal of Democracy 6:1, Jan 1995, 65–78.
- Putnam 2000 – Putnam R.D.* Bowling alone: The collapse and revival of American community. New York: Simon & Schuster, 2000.
- Putnam 1993 – Putnam R.D.* The prosperous community: social capital and public life // American Prospect. 1993. March 21. Интернет-сайт журнала “The American Prospect” (<http://prospect.org>), раздел “Articles”. Точный интернет адрес: http://prospect.org/cs/articles?article=the_prosperous_community# Дата обращения 15.03.2011 г.
- Uquillas et al. 2003 – Uquillas J.E., Van Nieuwkoop M.* Social Capital as a Factor in Indigenous Peoples Development in Ecuador; Latin America and the Caribbean Region Sustainable Development working paper no. 15, 2003 // Официальный интернет-портал Всемирного Банка (<http://www-wds.worldbank.org>), раздел “Documents & Reports”. Точный интернет-адрес документа: <http://go.worldbank.org/MXR8LGSJG0>. Дата обращения 12.03.2011.

O.A. Bazalev. Problems of Social Capital Liquidity in Programs for the Development of Numerically Small Indigenous Peoples of the Sakhalin North

Keywords: indigenous peoples, social capital, reciprocity, social networks

Taking the example of the “Assistance Plan for the Development of Numerically Small Indigenous People of the Sakhalin North”, the author considers the social capital inherent in the social networks of indigenous peoples of the Russian North as an important factor in the implementation of social and economic development programs. Drawing on actual cases, he reviews the situations in which social capital (e.g. as a source of benefits through extrafamilial networks) and reciprocity make it possible to reduce expenses related to the implementation of programs of the kind. He further examines the cases in which resources associated with the social capital remain unused under present circumstances, as well as situations when the social capital (e.g. resulting in excess claims on group members) can undermine the efficiency of development programs.